

Киров /

Александр КЛОКОВ

Главный режиссер театра юного зрителя
("Театра на Спасской")

Если попытаться определить главные тревоги – они связаны с тем, что может тебя разрушить. Хочется в работе соответствовать собственной душе, не имитировать чувства, а вызывать у зрителя сострадание, сопереживание. То, что, к сожалению, уходит из нашей жизни.

Город наш небольшой и театр в нем брошен на выживание, денег на постановки мы практически не получаем. Живем на то, что сами зарабатываем. Наш директор (и ведущая актриса) Ольга Симонова, которую я очень уважаю, стремится найти внутренние ресурсы. Это и выездные спектакли, которые мы стараемся достойно играть. Для новых спектаклей перешиваем, перекраиваем старые костюмы. Может быть, мы идем назад, к "бедному" театру?

У нас нет меценатов. Нет возможности гарантировать молодому актеру сносной зарплаты, поселить его по-человечески. Своей же театральной школы в Кирове нет. непонятно, как живут актеры? Где им подработать? Телевидения у нас нет. Разве что в рекламе. Актер вынужден искать работу на стороне, совмещать ее с работой в театре. И все же, несмотря на все сложности, у нас сохранился театр-дом, который как островок защищает нас от бесцельного существования. Мы

ценим не суетность, возможность поиска. Не всегда получается результат. Современного человека разъедает протия. Он боится показаться старомодным, протия и цинизм убивают открытость. Но я уверен – театр должен быть полярен жизни. Жизнь черно-белая, в ней мало красок. Хочется чуда. Мне хочется сохранить романтическую линию репертуара. Она была определяющей в работе над "Волшебной флейтой" Н.Скороход. Сейчас мы ставим спектакль по "Гюфманнине" А.Тарковского и "Крошке Цахесу". Нам хочется рассмотреть "цинноберизм" как явление. Пустое, бессмысленное, уродливое сами люди увеличивают до фантастических размеров, Циннобер становится властителем мира. Вместе с моим соавтором, художником Н.Шароновым мы ищем форму спектакля. Проходящее на сцене будет похоже на сны, миражи. Для нас важен мир Фен и Просперо, мир, который уничтожил век Просветления.

Все более важными становятся поиски малой формы. Большой зал требует от театра, чтобы он был излишне театральным, излишне громким, излишне энергетичным. На малой сцене важны нюансы, создается атмосфера большего доверия. В прошлом сезоне мы поставили "Газету "Русский инвалид" за 18 июля" М.Угарова. Мы делали множество этюдов, которые потом не вошли в спектакль. Это были поиски естественной, подлинной, и в то же время игровой стилистики. Много энергии ушло на то, чтобы достойно сыграть "Маленькие трагедии". На таком материале актеры растут, он движет нас дальше.

Сегодня в театр приходят молодые люди с другими ориентирами, другими установками на дело, на свою жизнь. Я стараюсь обратить их в свою веру. Вспоминаю Марию Осиповну Кнебель, ей было за 80, и она ездила в институт на метро, мы ловили ей пожарную машину, чтобы довезти ее до дома. Она не имела того, что должна была бы иметь, что заслуживала. Она научила нас ценить настоящее, невидимое.

Я пессимист по природе, но хочется верить, что театр сохранится. Он должен остаться самим собой.

Журнал и сцена - 1999-2000 - №52 - с.10